

БОРИС ПАСТЕРНАК – ОТЧУЖДЕНИЕ

Иосиф Рабкин

*Я думал о происхожденье
Века связующих тягот...
Предвестьем льгот приходит гений
И гнѣтом мстит за свой уход.
Б.Л. Пастернак.*

Борис Пастернак – мгновенное ощущение счастья и душевной боли. Боли – потому, что свою *причастность к еврейству он расценивал как биологическую случайность*, осложнившую его нравственные позиции и творческую судьбу. Известная главная национальная заповедь – помни – оказалась не для него.

Моя позиция

Я профессионал от медицины и не собираюсь переквалифицироваться. Хотя кто-то сказал «Человек, долгое время занимаясь одним делом, в итоге заболевает профессиональным идиотизмом». И всё же я за профессионализм!

Правду сказать, взялся за эту тему потому, что еврейское происхождение было извечной моей проблемой в течение 70 лет. Не могу воздержаться от самоцитирования. В своей книге «Ещё одна жизнь» [5] я затронул эту тему, которая преследовала меня в детстве во дворе дома, на школьных переменах, пионерских лагерях, армии, в институте – везде, везде... Там, в Союзе, мое еврейство было *оборонительным*, здесь в Америке – *наступательным*. Я смею высказать только своё собственное, может быть, спорное, суждение не о Пастернаке, а о его отношении к еврейству, в какой-то мере это мой упрѣк, порицающий не личность, а предосудительный поступок. Просто не симпатизирую тем, которые хотят «отъеврестись» (отказаться от своего еврейства).

Не могу считать себя специалистом по творчеству Бориса Пастернака, тем более его биографом, но вместе с тем до сих пор храню запись стихов в авторском исполнении Пастернака, его прелюдии и сонаты для фортепиано, отдавая дань этому замечательному поэту, писателю, переводчику и несостоявшемуся композитору.

Но меня заинтересовал один вопрос: *почему Пастернак отчуждался от еврейства? Почему считал «серьѣзным неудобством явиться евреем»?*

Родословная

Борис Леонидович Пастернак до 1920 г. именовался Борисом Исааковичем. Он родился в интеллигентной еврейской семье. Отец – академик живописи Исаак Иосифович, в последующем Леонид Осипович. Мать – пианистка Райца Срулевна Кауфман, затем Розалия Исидоровна – профессор Одесской консерватории. Свою родословную Пастернаки вели от Исаака (Ицхака) Абарбанель, который был мудрецом, толкователем Библии, теологом [1].

Родители Пастернака хранили верность еврейству, а *отец защищал свое происхождение*, хотя и не соблюдал еврейской обрядности. Он отказался изменить иудаизму, даже рискуя не получить профессорского звания. Однако князь Львов милостиво разрешил учёному совету училища живописи, ваяния и зодчества удостоить Исаака Иосифовича звания профессора, несмотря на его еврейство.

Старший сын Боря родился 31 января 1890 г. Он был слабым ребёнком, даже обряд «брит мила» был совершѣн над младенцем не на восьмой день, как положено, а позже (в

марте). Тогда мать Райца и папа Исаак на дрожках привезли Бореньку в синагогу в Староглинищенском переулке (другой синагоги в Москве в то время не было). Там раввин и произвёл обряд «обрезания», и *мальчик стал иудеем*. Родители были счастливы! Между прочим, документы о рождении двух братьев и двух сестер (Бориса и Александра, Жозефины и Лидии) до сих пор хранятся в московской синагоге.

Отчуждение от еврейства

Однажды десятилетний Боря узнаёт, что он еврей, а это значит, справедливость существует не для него. *У еврея с раннего детства больше оснований для задумчивости*. В 1900 г. Борис Пастернак не попал в гимназию из-за процентной нормы (10 евреев из 345). На следующий год он поступил и был освобождён от закона Божьего. В аттестате об окончании гимназии указано «иудейское вероисповедание».

В 22-х летнем возрасте Борис Пастернак ещё не определился со своей профессией, и его мама, Розалия Исидоровна, собрала ему деньги (200 рублей) для изучения философии в Марбурге (Германия). В этом старинном городе я был на конференции и ходил по улице имени Пастернака. Учился он философии (неокантианству) у знаменитого проф. Германа Когена, убеждённого последовательного иудея, считавшего, что понять его может только еврей. Вначале они подружились, и профессор приглашал его неоднократно домой. Но в последующем именно эта кастовая еврейская замкнутость, да отвергнутая любовь к Иде Высоцкой, дочери чайного купца, и послужили поводом постепенного отхода от еврейства. Он пишет письмо отцу: «Что-то мне всё это не симпатично... Ни ты, ни я – мы не евреи; хотя мы не только добровольно и без всякой тени мученичества несем всё, на что нас обязывает это счастье... не только несём, но я буду нести и считаю избавление от этого низостью; но несколько от этого мне не ближе еврейство...».

В возрасте 36-ти лет (август 1926 г.) Борис Пастернак сожалеет о своем происхождении и пишет своему двоюродному брату Ф. Пастернаку:

«Очень серьезным неудобством было явиться евреем – прескверная по своему тупоумию выдумка. Уж если на то пошло, то следовало в таком случае родиться при Маккавеех... Разлетаться же в самом сердце русского березняка с такой отметиной... было шагом необдуманым».

Пастернак пишет с чувством юмора, которым, в общем-то, не очень обладал, а тут вот наболело... И ему-то невдомёк, что, родился бы он с другой отметиной, – не получил бы такого воспитания, не знал бы в совершенстве 3-х языков (английский, немецкий, французский), не разбирался бы в тонкостях музыкального искусства и не видел бы картин русской природы.

В 1928 г. он пишет письмо М. Горькому:

«Мне, с моим местом рожденья, с обстановкою детства, с моей любовью, задатками и влечениями, *не следовало рождаться евреем*. Реально от такой перемены ничего бы для меня не изменилось... *Но тогда какую бы я дал себе волю!* ... Я сам с роковой преднамеренностью вечно урезаю свою роль и долю. Ведь я ограничиваю себя во всём... Все пристрастия и предубеждения русского свойственны и мне. Веянья антисемитизма меня миновали, и я их никогда не знал. Я только жалею на вынужденные пути, которые постоянно накладываю на себя я сам, по «добрый», но *зато и проклятой же воле!*»

И далее: *«Во мне есть еврейская кровь, но нет ничего более чуждого мне, чем еврейский национализм. Может быть, только великорусский шовинизм. В этом вопросе я стою за полную еврейскую ассимиляцию... Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь, будьте всеми... Чего я, в последнем счете, стою, если препятствие крови и происхождения осталось не преодоленным».*

Уйти от народа

Давно помню стихотворение, но как ни странно, не знаю автора.

А что? Креститься мог бы я, к примеру,
И полноценным стал бы вновь.
Ведь царь преследовал за веру,
А здесь биологическая кровь.

Крещёный без бюрократизма, быстро
Он стал отмытым от людских обид.
Евреем он остался для министра,
Но русским счёл его митрополит.

Почему он так стонал, буквально мучился своим происхождением? Это ведь какая-то еврейская меланхолия. Чтобы читатель не принял мои слова за некое оскорбление Бориса Леонидовича, поясню слово «меланхолия». В переводе с греческого *melaina cholo* – черная жёлчь. Восходящее к Гиппократу обозначение одного из четырёх темпераментов, характеризующееся впечатлительностью и относительно незначительным внешним выражением.

Борьба с еврейским национализмом у Пастернака – это не ново, это просто русская черта.

Вспоминаются слова Юрия Солодкина:

Грамматическое деление,
Обсуждению не подлежащее:
Русский – это определение,
Еврей – это подлежащее.

Уже первые признаки православной религиозности проявляются у Пастернака в поэзии военного времени, когда Сталин сделал послабление церкви. Пастернака более всего привлекала одна *сторона христианского учения – жертвенность*.

Вопреки самому себе, Борис Пастернак оставался евреем для многих писателей и учёных. Но своё еврейство он скрывал, умалчивал, старался не касаться этой темы. *Пастернак отверг еврейство и иудаизм*, вообще не знал иудаизма. Он *никогда не был крещёным*. Он, дитя русской культуры, был целиком *за ассимиляцию евреев*, понимая соблазн русского еврея к приспособленчеству. Однако, наверное, понимал, *что такая ассимиляция ведет к разрыву со своими корнями, к отчуждению от своей семьи*, одиночеству. Ассимилированный еврей всегда чем-то обязан и перед кем-то виноват, он изначально чувствует себя неполноценным. Слияние с христианством вызвало отчуждение между Борисом Леонидовичем и жившей в Англии семьей. Многие расценивали пастернаковский призыв к ассимиляции как предательский (И. Эренбург, Б. Слуцкий). Сам же он повторял слова Льва Толстого: «Для меня еврейский вопрос на девяносто девятом месте».

Самоидентификация

Вопрос самоидентификации – глубоко личный и частный. Каждый выбирает для себя, и вся тяжесть этого выбора – для каждого своя. Принадлежность к еврейству не означала для него самоидентификации в качестве еврея. К официальной церкви он так же

был холоден, как к сионизму. Христианство не означало для него принадлежности к конкретному приходу. Он не держал постов, не причащался, не исповедовался. ***Он был в религиозном одиночестве.***

Тора говорит нам, что всё в мире пропорционально и относительно. Но то, что можно простить простому человеку, не прощается выдающимся людям. Потому что мы ожидаем от них гораздо большего. Честно говоря, и сам Пастернак хотел чего-то большего и иного, поэтому принял решение об отчуждении от своего народа. Вот так иногда подсознание выбирает непредсказуемые лазейки. У каждого человека, кроме позитива, есть свой негатив.

Что же послужило основанием отрешения Пастернака от своего народа? Пастернак искал пути очищения от горечи родословного прошлого.

Он относился к тем людям, которые вообще склонны к протестам, искал разрыва с семейной средой, в которой воспитывался, с родными, близкими. Чего он хотел – равноправия, ухода от преследования, от стеснения, ограничений? Наверняка знал, что правовые ограничения евреев в России никогда не были расовыми. ***Достаточно было отречься от своего народа, чтобы стать равноправным, хотя и мало уважаемым русскими и вполне презираемым евреями, российским гражданином.*** Да, он стремился к равенству, убегая от раввинства, но, в основном, он создавал свой собственный мир. Он обожал нравиться, и это было его естественной атмосферой. Преобладал ***эгоизм умственного творчества.*** Прав Гераклит, говоривший: «Характер творит судьбу».

Большое несчастье: когда покидаешь семью, отказываешься от национальности, плюешь на религию отцов, – всё равно платишь за это высокую цену. Пастернак, несмотря на отчуждение от еврейства, оставался чужаком в стае, у которой вызывал недоверие и вражду.

Уверен, что можно пытаться уйти от своей национальности, поменять веру, но дух народа остаётся в тебе навсегда. Его трудно выветрить и испарить, работают древние гены.

Известно, что ***с генами*** (наследственностью) передаётся от родителей к потомству вся записанная информационная программа, обеспечивающая формирование ***внутрифамильного и внутривидового сходства (внешности, даже манер)***. Фенотип накладывается на генотип. Но у Пастернака всегда была мучительная нелюбовь именно к фамильному сходству лиц. Черты родового сходства ему представлялись противоречащими достоинству человеческой личности, хотя он и любил своих родителей.

Известно, что ещё в 1941 г. лидеры протестантов Германии издали декларацию – ***«невозможность спасения евреев путём их крещения из-за особой расовой конституции»***

(напомню, что Пастернак не крестился).

Никуда от этих родовых черт не денешься, ведь еврея за версту видно, хоть он и фамилию сменил, имя, отчество. Живёт как русский, даже нательный крест носит, как это делают некоторые современные звёзды российской эстрады и театра, выпячивающие напоказ атрибуты религиозности.

Припоминается такой анекдот. Однажды один из американских банкиров, сменивший в своё время веру, познакомился с известным поэтом - евреем, который к тому же был горбатым. Они часто общались. И в один из вечеров этот поэт пригласил банкира зайти в синагогу. Войдя в нее, банкир сказал: «Ты знаешь, ведь я раньше был евреем», на что поэт ответил: «А я был горбатым».

Человеку, сменившему веру, не уйти от юдофобских нападок, как это было с братьями Антоном и Николаем Рубинштейном, семья которых приняла в 1831 г. православие по воле деда Романа Рубинштейна – купца из Бердичева.

Почему надо было так рвать со своим народом? Известно, что некоторые выдающиеся люди, перейдя в христианство, не порвали связи с еврейством – ни физик Абрам Иоффе, ни дирижёр Юрий Файер, ни даже ставший профессором Петербургской духовной академии Даниил Хвольсон (1819-1911). Он активно боролся против «кровавого навета», написал серьёзное научное исследование «О некоторых средневековых обвинениях против евреев» (1861-1880гг).

Писатели Б. Пастернак, О. Мандельштам, И. Бродский – *евреи русской культуры*. Их никто не заставлял, но они насыщали свои стихи христовым благовестом и православным духом. А вот писатели В. Гроссман, Э. Казакевич, И. Уткин, Э. Багрицкий – *писали о русских, но не причисляли себя к православной культуре*.

В Талмуде сказано: «Если в характере еврея нет трёх черт – *совестливости, сострадания к слабому и стремления делать добро*, возникает подозрение: еврей ли он?» У Пастернака было всё это и, более того, много ещё еврейского – сам облик, склад мышления, острота восприятия, большая сила воображения, сверхчувствительность, умение сделать что-то сверх того, чего ожидают от всех, умение обойти запреты. Душа его стремилась к высшему, когда блуждала в потёмках исторической правды жизни. Но ценности иногда противоречивы.

Была война. Евреев сжигали заживо. В дыму труб Освенцима теснее свилось единство еврейского народа. Пастернак не заметил Холокоста, убийства Михоэлса, не заметил расстрела ЕАК. «Дело врачей» прошло мимо. Илья Эренбург и Василий Гроссман – военные корреспонденты – собирали материал о зверствах фашистов для создания «Черной книги». Пастернак дважды был на фронте в качестве корреспондента, но эти вопросы его не интересовали.

Еврейская проблематика Пастернака никогда не волновала, и он просил не напоминать ему о его происхождении. Он никогда не посещал еврейского театра. Его не привлекали к деятельности ЕАК. В июле 1941 г. он сначала согласился прийти на еврейский антифашистский митинг, но потом отозвал своё согласие, сказав, что корни его антифашизма не сводятся к еврейству. *Его девизом было не прятаться от жизни ни в какие течения и отряды быть Пастернаком, а не иудеем.*

Доктор Живаго

Пастернак все эти годы в течение 10 лет (1945-1955) увлечённо работает над романом «Доктор Живаго». Это произведение *затрагивало сокровенные вопросы человеческого существования – тайны жизни и смерти, историю, христианство, еврейство*.

Когда Пастернак начал работать над этим романом, он предупредил: *«Я свожу в нём счёты с еврейством»*. Тогда этот роман назывался «Мальчики и девочки», как сообщала в своём письме от 13 октября 1946 г. О.М. Фрейденберг, его многолетняя корреспондентка [3].

Мне всегда казалось, что людей может разделять религия, а вот литература, искусство, медицина их объединяют. Но, по-видимому, не всегда.

Как же он сводит счёты с еврейскими мальчиками и девочками? Вот несколько эпизодов из «Доктора Живаго»:

Эпизод первый. Рассуждение одиннадцатилетнего мальчика Миши, сына присяжного поверенного Гордона, друга доктора Живаго.

«Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?.. Можно вылечиться от тяжёлой болезни, можно стать силачом, родившись тщедушным, можно в совершенстве овладеть языком другого народа, выучить и соблюдать обычаи, нравы. Но избавиться от еврейства, хотя ты лицом и внешностью такой же, как

все, – невозможно. Это иррационально – недоступно пониманию, в первую очередь, юношам и девушкам - евреям, осмысливающим своё существование на Земле».

Надо очень любить Пастернака, чтобы понять те соображения, которые он вкладывает в мысли одиннадцатилетнего мальчика. Вот уж, действительно, *о чём бы ни писал автор, он пишет о себе.* Разве не чувствуется в этих словах интонация, голос и ход мыслей юного Бориса Пастернака?

Эпизод второй. Живаго с Гордоном, своим приятелем, в прифронтовой полосе. Первая мировая война.

«В одной из деревень, мимо которой они проезжали, молодой казак в дружеском хохоте окружающих подбрасывал медный пятак, заставляя старого седобородого еврея в длинном сюртуке ловить его. Все потешались. Живаго одернул казака и заставил прекратить издевательство. Тот удивился. «Мы ведь не знамши, только так, для смеха». Живаго рассуждает: сама недоброжелательность к ним (евреям. – И.Р.) – основа ненависти. «Раздражает как раз то, что должно было бы трогать и располагать. Их бедность и скученность, их слабость и неспособность отражать удары. Непонятно. Тут что-то роковое».

Далее идет философское рассуждение Гордона: *«отныне нет народов, есть личности».* Гордон призывает отказаться от узости еврейства и присоединиться к универсальности христианства. Причем эти фразы вложены именно в уста Гордона.

Эпизод третий. Сцена еврейского погрома в городе Юрятино. Лара, возлюбленная доктора Живаго, пытается разобраться в себе и рассуждает о том, как надо освободиться от себя, избавиться от двойственности. Она не может сочувствовать жертвам погромов. «Вы сами виноваты, что вас громят». Вот такая двойственность у одной из главных героинь романа.

У самого Пастернака вся жизнь была двойственной: он еврей – наследник русской культуры, христианский писатель – иудейского происхождения, не любивший разговоров о еврействе и писавший о нём; две жены, две работы (одна для души, другая для денег), две аудитории (одна русская, другая заграничная), даже двухъярусная квартира в Лаврушинском переулке. Не зря же на упрек в двурушничестве он поднимал обе руки и горячо кивал [2.

Вот зеркало его пути: от интеллигентности – к артистизму, от экзальтации – к локализму, от конформизма – к бунтарству, от еврейства – к христианству.

Однажды, отвечая тем, кто требовал от Пастернака перековки, он воскликнул:

«А как мне быть с моей грудной клеткой?» [1]. В самом деле, как ему быть? И тут мне припомнилось, как пошутил Вильгельм Конрад Рентген, который не был лишён чувства юмора. Однажды больной написал ему письмо, в котором просил прислать ему «несколько рентгеновых лучей» и инструкцию, как ими пользоваться. В прошлом он был ранен револьверной пулей. Но для поездки к Рентгену у него, видите ли, не было времени. Рентген ответил так: «К сожалению, в настоящее время у меня нет X-лучей. К тому же пересылка их – дело очень сложное. Поступим проще: пришлите мне вашу грудную клетку».

Ещё в 1975 г., будучи в научной командировке в Америке, вырвавшись из-за «железного занавеса», я украдкой посмотрел американский фильм «Доктор Живаго», поставленный голливудским режиссером Дэвидом Лином. Главные роли исполняли Омар Шариф и Джулия Кристи. Кстати, этот фильм был в последующем (1994 г.) показан в Москве. Честно говоря, ещё в то время мне фильм не очень понравился.

Я понял, что образ Живаго есть *Alter ego* (второе «я») самого Пастернака. Мне показалось, что в «Докторе Живаго» Пастернак попытался раскрыть тайны своей личности. Но раскрыться полностью трудно, ибо *личность человека более таинственна, чем мир.*

Каждая книга имеет свою судьбу, а у «Доктора Живаго» – самая интересная, интригующая, детективно-конфликтная [2].

Закончив роман, автор в 1956 г. передал его для публикации в редакцию журнала «Новый мир», во главе которого стояли К. Симонов, К. Федин и А. Кривицкий. Они отвергли роман как антисоветский. Пастернак понимал, что никакой другой журнал не примет этот роман и с болью в сердце передал его итальянскому журналисту Серджио Данджело (по настоятельной просьбе последнего). Журналист обещал опубликовать его в Италии в одном из коммунистических изданий. Пастернак отдавал рукопись и боялся за последствия: «Вы пригласили меня на собственную казнь», - сказал он.

Исайя Берлин

В 1957 г. роман был опубликован в Италии, затем в Великобритании, ***при посредничестве знаменитого философа, историка и дипломата Исайи Берлина.***

Пастернак познакомился с Исайей Берлиным, когда тот работал в 1945-46 гг. в посольстве Британии в СССР. Исайя Берлин был заинтересован в отношениях со многими российскими деятелями культуры. Это был бровастый, розовый, полный, доброжелательный либерал. Он дважды встречался с Пастернаком: в 1945 и 1956 гг. Исайя Берлин знал с семьей Пастернака в Англии. При встрече Берлин передал Пастернаку от его сестёр, которые жили в Оксфорде, пару отцовской обуви. Берлин познакомился с рукописью «Доктор Живаго», заинтересовался и помог в английском переводе.

Личность этого человека в Союзе замалчивалась. Исайя Берлин, родившийся в Риге в уважаемой еврейской семье, эмигрировал в Англию, где окончил Оксфордский университет, и там преподавал. Затем был на дипломатической работе. В 1957 г. И. Берлин был возведен в рыцарское звание. Контакты Пастернака и Ахматовой с Берлиным послужили одной из причин усиления режима цензуры и гонения на писателей.

Игорь Шайтанов, известный литературный критик, имел беседу с сэром Исайей Берлиным в марте 1994 г. в Оксфорде. При первых словах встречи Берлин сказал, что он писал о Белинском, Герцене и Писареве, а его знают как человека, встречавшегося с Пастернаком и Ахматовой. Кстати, с Ахматовой он встречался 19 ноября 1945 г., а ушёл утром следующего дня. Сталину тотчас доложили, и тот был взбешён: «Монашенка, принимает английского шпиона!».

Берлин заинтересовался пастернаковским отношением к еврейству. ***Отношение было самое равнодушное, если не сказать, – негативное.*** «Ему страшно не хотелось затрагивать эту тему. Не то чтобы он особенно стеснялся – просто она ему была очень неприятна. Он хотел, чтобы евреи ассимилировались... Я заметил, что каждое моё упоминание о евреях или Палестине причиняло Пастернаку видимое страдание».

Исайя Берлин в Оксфорде приобрёл славу разговорного таланта, блестящего собеседника, мастера устного жанра. Он говорил, что именно в разговоре у него рождаются лучшие идеи: «Меня интересуют идеи, а не факты». Он считал, что этот трагический век прожил благополучно и счастливо. Сейчас наступила эра посредственности.

Нобелевская премия

В 1958 г. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, причём не за роман «Доктор Живаго», а по совокупности творчества – ***«За выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и в области великой русской прозы».*** Получив телеграмму от секретаря Нобелевского комитета Эндерса Эстерлинга 29 октября 1958 г., Пастернак ответил: ***«Благодарен, рад, горд, смущён».*** Его поздравляли. Жена Зинаида

Николаевна обсуждала, какое ей шить платье для поездки в Стокгольм... Но всё обернулось преследованием, травлей, его обвинили в «измене Родине» [1].

Был ли Пастернак бойцом по темпераменту? Был ли он смелым? Ставлю эти вопросы под сомнение, ибо *смелость сама себя защищает*. В нём преобладал *эгоизм умственного творчества*. Пастернак был, в общем, аполитичный и противоречивый человек. С одной стороны, он боялся власти, с другой – был против осуждения Тухачевского, возражал против ареста мужа и сына Ахматовой. Обращался к Бухарину и Сталину с ходатайством за арестованного в 1934 г. О. Мандельштама.

Может быть, его национальные корни сыграли какую-то роль в отказе его от Нобелевской премии? Спорно. Хотя он страдал от дискриминации, но не на национальной почве. *Любая дискриминация принуждает думать, и чем она несправедливей, тем честнее, свободнее и глубже мысль. Да, диктат ограничивает, но ведь и вызывает сопротивление*. Но не до такой же степени, чтобы отказываться от своего народа.

Прав Н.А. Бердяев, который сказал: *«Каждый волен иметь свои национальные симпатии и антипатии, но ненависть к целому народу есть грех, есть человекоубийство, и ненавидящий должен нести ответственность»* [4].

Есть разумное понятие – **веротерпимость!**

Болезнь и смерть

Первые признаки болезни Пастернак почувствовал 6 апреля 1960 г. Появились боли в левой лопатке, с трудом мог писать. При осмотре невропатологом врач восхитилась его статью, не нашла ничего серьёзного, считала, что эта боль связана с отложением солей. Первого мая ему стало хуже. Девятого мая на ЭКГ была зафиксирована картина обширного инфаркта миокарда, которую подтвердил известный специалист в области ЭКГ, проф. Л.И. Фогельсон. Когда Пастернака осматривал доктор из лит. фонда, Борис Леонидович сказал: «Неужели моя жизнь может закончиться историей болезни...». Четырнадцатого мая по просьбе Ольги Ивинской его осматривал доктор Долгоплюк, лечивший его от инфаркта миокарда в 1952 г. в Боткинской больнице. Двадцать второго мая Елена Тагер попросила своего брата, главного рентгенолога «Кремлёвки», моего учителя, академика РАМН Иосифа Львовича Тагера, дать передвижной рентгеновский аппарат, чтобы сделать на даче снимок лёгких Пастернаку. Борис Леонидович верил в рентген и сказал: «Ну вот, теперь всё узнают, и всё пойдет по-другому». Проф. Тагер по рентгеновскому снимку поставил диагноз: рак лёгкого и метастазы в обоих лёгких. На следующий день на заседании редколлегии журнала он мне об этом по секрету сказал.

Умирая, Пастернак наизусть подряд читал предсмертные молитвы – причастие – с закрытыми глазами, ощущая живое присутствие Христа.

Борис Пастернак умер 30 мая 1960 г. в Переделкино в своей постели. После смерти иудейские черты в его облике вдруг обозначились резче (нос с горбинкой, впалые щеки, очерченные губы).

Объявление о смерти Пастернака гласило: «Умер член Литфонда...».

Пришли прощаться с Пастернаком Н. Коржавин, Б. Окуджава, А. Вознесенский. В то время мы с женой жили в Переделкино.

Быть человеком – значит уметь прощаться. Жить – значит уметь терять.

Мы слишком мало прощаем и слишком много забываем... История отдаёт должное человеческой личности, но и не щадит её...

Источники

1. Быков Д. Борис Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2008.
2. Ливанов В. Неизвестный Борис Пастернак. – М.: Дрофа, 2002.

3. Пастернак Б. Пожизненная привязанность. Переписка с Ольгой Фрейденберг. – М.: Арт-Флекс, 2000.
4. Бердяев Н. Христианство и антисемитизм. – Париж: Путь, 1938.
5. Рабкин И. Ещё одна жизнь. Бостон: ЗАО «Экс-Принт», 2003.
6. Кумок Я. Понять Пастернака.- М.: Вестник, 12(349), 2004.